И. Д. ПАПАНИН

НА ПОЛЮСЕ

РИСУНКИ В. ЩЕГЛОВА

ДЕТИЗДАТ ЦК ВЛКСМ
1939

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Рассказ про полярников станции «Северный полюс — 1» (Папанин, Федоров, Кренкель, Ширшов), художественное описание их экспедиции (дрейф на льдине). Для дошкольного возраста.

-
-
-
- ЛЕТИМ!
- ТАК ВОТ ОН, ПОЛЮС!
- ЗИМОВКА НАЧАЛАСЬ
- КАНАЛ «МОСКВА — ПОЛЮС»
- «ОРЛЫ»
- ГОВОРИТ ПОЛЮС!
- «ДВОРЕЦ СОВЕТОВ»
- «ПРОФЕССОР ПО ВСЕМ БОЛЕЗНЯМ»
- МЕДВЕДИ
- ВЕЛИКИЙ ПРАЗДНИК
- «ТРОЛЛЕЙБУС»
- БУРЯ
- ПОЛОСОЧКИ
- НА ОБЛОМКЕ
- ВСЕМ, ВСЕМ, ВСЕМ…
- МОСКВА
- Информация об издании

И. Д. ПАПАНИН
ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

НА ПОЛЮСЕ

РИСУНКИ В. ЩЕГЛОВА

ГОС.
Публичная
б-ка в
Ленинграде

К ДЕТЯМ

Родные, милые ребята!

Радостно смотреть на вас! Вы живете в такое счастливое время! А вот как вспомнишь свое детство — тяжело делается.

Я родился в городе Севастополе, на Черном море. Отец был матрос. Мать шила тяжелые паруса в порту.

Восьми лет меня отдали в школу. Я был лучшим учеником. Учиться мне очень хотелось.

Но когда я окончил четыре класса, отец сказал:

— Придется тебя, Ванюша, из школы забрать. Туда плати каждый год два рубля, — где их взять? У меня ведь вас, сорванцов, шестеро. Ступай работать, будь отцу помощником!

Делать нечего. Пришлось пойти на завод. Я учился на токаря.

Тяжелая была работа. Сперва был мальчиком на побегушках. Гоняли меня туда-сюда, а получал десять копеек в день. Еще издевались. Бывало, скажут:

— Ученик, подай заклепку!

Схватишь ее, а она — раскаленная. Я — в слезы, дую на обожженные пальцы, а кругом смеются.

Много зверства было. Нас, учеников, то и дело колотили.

Все-таки я стал токарем.

Потом меня забрали в царскую армию, матросом во флот. Жил в казарме. Казарма была как тюрьма. Вонь, грязь, кормили плохо. Матросов за людей не считали. Офицеры ругали нас, били, всячески над нами издевались. Помню, прибежал однажды младший братишка, полдня плакал под воротами, чтоб меня вызвали. А когда я вышел к нему, он говорит:

— Иван, мамка умерла…

Он заплакал, и я заплакал. Он плачет и говорит:

— Иван, а хоронить ее некому… Приди хоронить.

Я пошел по начальству, прошу:

— Ваше благородие, отпустите мать похоронить!

Не пускают! Три часа умолял, клянчил. Наконец отпустили, только велели скорей возвращаться. Я едва успел вырыть могилу и — бегом обратно в казарму.

К счастью, такая жизнь кончилась.

Пришла революция. Долой царя! Долой буржуев! Потом началась война с белыми. Они хотели над нами опять царя и генералов поставить.

Я долго воевал с белыми. Строил бронепоезда, был комиссаром, командиром… Много пришлось пережить опасностей.

Один раз я с товарищем забрался к белым в тыл. Мы организовали там красные партизанские отряды. Пора обратно, но выбраться было трудно. Меня положили в мешок и под видом мучного куля погрузили на пароход. Муку повезли в Турцию. Там я потихоньку вышел на берег. Двадцать один день шел я пешком по горам. Одежда на мне порвалась; я превратился в нищего: просил в городах хлеба. Зато добрался до Советской России. Отдохнул, и опять на фронт!

А потом, когда мы белых совсем прогнали с Советской земли, я поехал на Север. Там я несколько раз зимовал.

Мне всё хотелось забраться как можно дальше на Север.

В 1937 году моя мечта исполнилась. Я был начальником зимовки на полюсе. Мы вчетвером прожили на льдине девять месяцев. Нас послал туда товарищ Сталин. Его задание мы выполнили.

Но на Севере еще много работы. Вам, ребята, наверное, всем хочется стать полярниками. Для этого вам надо вырасти, набрать побольше сил и многому научиться.

Дорогие дети! Учитесь, учитесь и учитесь. Кончайте школу, потом вуз. Север требует образованных людей. С неграмотными он расправляется жестоко. Зато ученых, культурных людей он принимает хорошо. И все те богатства, которые в нем таятся, он щедро отдаст на благо нашей великой Родины!

ЧЕРНАЯ ПАЛАТКА

Это было три года тому назад. Великий летчик Чкалов задумал очень трудное дело — лететь через полюс в Америку.

Но товарищ Сталин сказал, что сначала надо изучить полюс. Надо послать туда самых лучших полярников. Пусть поживут там, пусть разузнают всё как следует, пусть сообщат, какая там погода. Тогда и можно будет лететь.

И вот товарищ Сталин собрал лучших летчиков нашей страны. Он советовался с ними: можно ли на самолетах добраться до полюса? Можно ли там сделать посадку? Можно ли пожить на полюсе?

Летчики говорили:

— Можно!

Особенно увлекался знаменитый летчик Водопьянов.

Он говорил:

— У нас много замечательных самолетов. У нас много отличных летчиков. Они умеют вести самолет сквозь туманы и облака, в злой мороз и в темную ночь. До полюса долетят. А там сядут на лед и выгрузят зимовщиков.

Некоторые сомневались:

— А вдруг лед провалится?

— Нет, там лед вековой, толстый!

— А вдруг самолеты не долетят?

— Должны долететь: моторы сильные, хорошие!

Долго советовались.

Товарищ Сталин всё обдумал и разрешил полет на полюс. Все стали готовиться.

Меня назначили начальником зимовки на полюсе. Я был рад. Правда, я знал, что нам будет не легко. Ведь на полюсе еще никто по-настоящему не был. А сколько народу пыталось до него добраться! И все почти погибли.

Норвежский полярник Нансен три года скитался по Северу, — так и не дошел до полюса. Русский путешественник Седов два года бродил по льдам, — так и не дошел, погиб. И еще десятки других.

Но я знал: всё это было до революции. Они погибли потому, что им никто не помогал.

У нас другое дело. Нам поможет весь народ, нам помогает сам товарищ Сталин.

Я был спокоен. Где бы ни очутился советский гражданин — в тайге, в океане, в степи, — родина его не оставит, родина его спасет.

И вот я собрал своих товарищей — Кренкеля, Ширшова, Федорова — и сказал:

— Давайте, братки, думать, что нам нужно для полюса.

Кренкель сказал:

— Мне нужна хорошая радиостанция, чтобы я мог говорить с полюса по радио с Москвой, со всеми, со всей землей.

Ширшов сказал:

— Я буду изучать глубины Ледовитого океана. Мне надо лебедку с длинным стальным тросиком (тоненькой проволокой), микроскоп, и еще шелковые сетки, и всякие приборы.

Федоров сказал:

— Я буду по звездам и по солнцу определять, где мы. Буду следить, куда везет нас льдина. Мне надо много астрономических приборов.

А я сказал:

— Ребятки, мы едем на полюс на целый год. Нам надо хорошую палатку, и электричество для радио, и резиновые лодки, и посуду, и папиросы, и топоры, и еще много всякой всячины. Нам нужен запас еды. Но еда для нас должна быть приготовлена по-особенному: чтобы мало места занимала и чтобы не испортилась.

Для нас всё сделали. Приготовили на два года еды в виде плиток и кубиков. Выжали пятьсот лимонов, и получилось десять кило лимонного соку. Придумали замечательную палатку. Изготовили точнейшие приборы. Снарядили лучшие самолеты.

Когда всё было готово, я сказал:

— А теперь, братки, давайте поживем где-нибудь под Москвой, будто на полюсе, и всё проверим.

Вот мы погрузили наше имущество на машины и выехали за Москву. Была зима. Кругом лежал снег. Я выбрал полянку.

Чем не полюс!

Стали разбивать палатку. Укрепили палки, натянули парусину, чехлы из гагачьего пуха. А поверх всего — черный брезент с белой надписью:

ДРЕЙФУЮЩАЯ СТАНЦИЯ

Потом мы надели полярные костюмы: шубы, меховые чулки, шапки с ушами. И стали жить, будто на настоящем полюсе.

Сами себе готовили обед. Бросим кубик в кипяток, — получаются щи. Из другой плитки получались котлеты. Из третьей — компот. Всё было очень вкусно.

Ширшов и Федоров испытывали приборы. Кренкель установил радиостанцию и давай разговаривать с Москвой и другими городами.

Вечером он сказал:

— Иван Дмитриевич, можно, я съезжу на часок в Москву?

Я напомнил:

— Теодорыч, ты забыл, что мы на полюсе!

Эрнст улыбнулся:

— Но ведь Москва рядом.

И он укатил в Москву. Через час, правда, он вернулся.

Шесть дней мы жили под Москвой, всё проверяли: годится ли палатка, хороша ли радиостанция, точны ли приборы, тепла ли одежда.

Всё было хорошо. Мы вернулись в Москву. Я заявил:

— Мы готовы лететь на полюс!

ЛЕТИМ!

И вот на Московском аэродроме выстроились четыре огромных воздушных корабля. И еще один самолет, поменьше. На нем один летчик полетит вперед, на разведку.

С нами летят отличные летчики: Водопьянов, Молоков, Алексеев, Мазурук, Бабушкин… С нами летит замечательный штурман Спирин.

Загудели моторы. Поднялся вихрь. Мы забрались в кабины. Провожающие махали шапками, кричали:

— Счастливого пути! Счастливой зимовки! Привет Арктике!

Никто не кричал: «Пишите письма», — ведь на полюсе почтового отделения пока еще нет. Поэтому все просили Кренкеля:

— Передавайте почаще радиограммы.

— Ладно. Счастливо оставаться!

Одна за другой поднимаются тяжелые машины.

Летим! Летим на полюс!

Я всё беспокоился — хватит ли еды? Вдруг нехватит? А ведь на полюсе магазинов нет. Правда, мы запасли вдоволь всего — и мяса, и фруктов, и колбасы, и сладостей. Даже пельмени были. Но мне всё казалось мало. Летчики говорили:

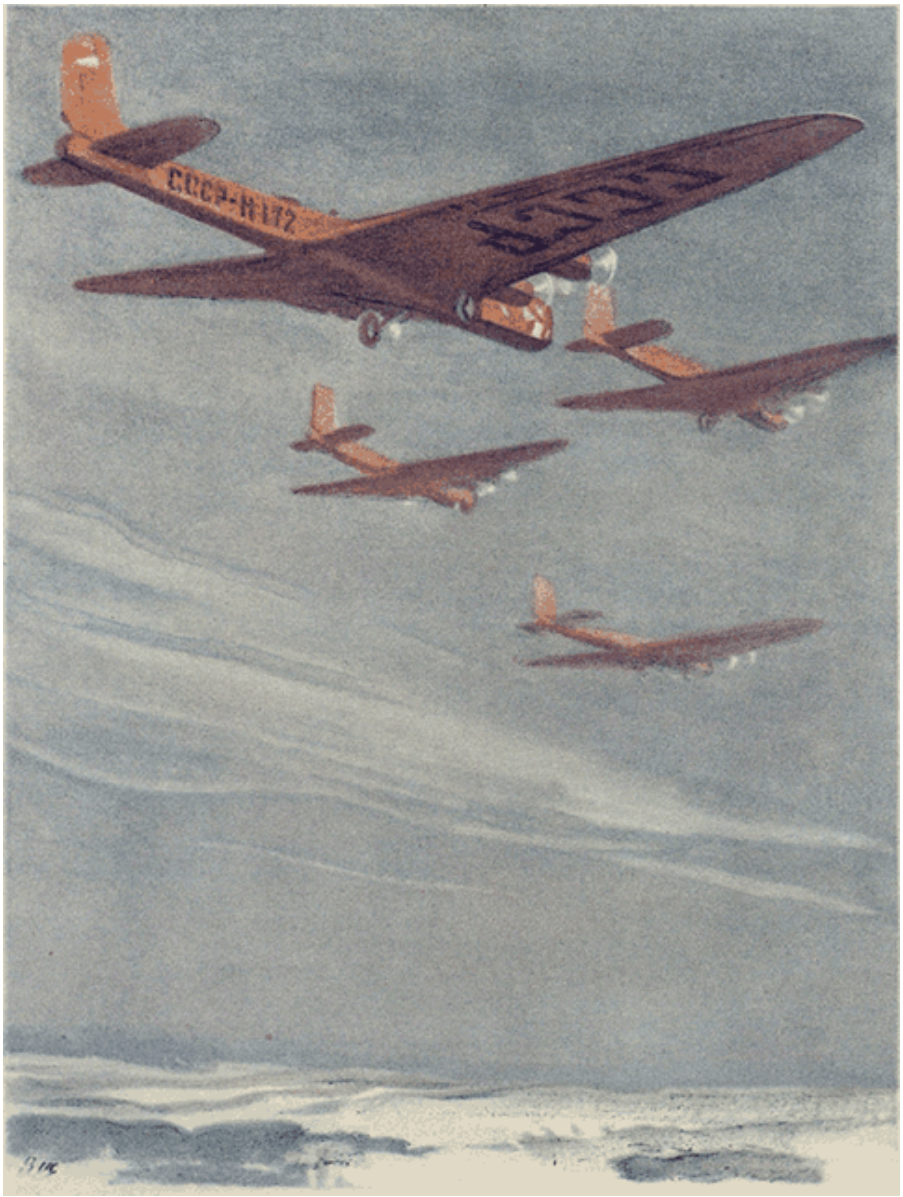
— Иван Дмитриевич, хватит грузить, пожалей нас.

А я все-таки исхитрился. Повсюду насовал всяких продуктов: в крылья, под сиденье, в хвост.

И вот мы прилетели в город Холмогоры. Погода плохая, лететь дальше нельзя. Я решил проверить продукты. Открыл банку с пельменями, а там одно тесто. Стало тепло, и пельмени испортились. Пришлось их выбросить. Летчики посмеиваются:

— Что, Иван Дмитриевич, пельмени-то — ау!

— Ничего. Вместо пельменей корову возьму.



Мне очень хотелось привезти на полюс живую коровку. И свинку.

Но летчики не хотели корову в самолет.

— Ты бы еще, Иван Дмитриевич, слона привел!

Тогда я прикатил бочонок со сметаной.

— Вот вместо пельменей.

Сметанку они взяли.

Погода стала лучше, мы полетели. Прилетели в Нарьян-Мар. Водопьянов подходит:

— Иван Дмитриевич, угости сметанкой.

— Пожалуйста.

Беру бочонок, а он удивительно легкий. Заглянул— пустой! Что за диво? Все смеются, заливаются:

— Перехитрили мы тебя, дядя Ваня!

Оказывается, они украдкой проделали в бочонке дырку и через трубку потихоньку потягивали сметану. Так всю и высосали.

Я говорю:

— Нет, не перехитрили, потому что я вместо сметаны этот бочонок рыбой нагружу.

А сам думаю: «Рыбку-то вы уж через дырочку не высосете». Летчики видят: со мной спорить трудно. Пришлось им взять рыбу на самолет.

Снова заревели моторы. Полетели дальше — на остров Рудольфа.

На Рудольфе мы прожили несколько дней. Погода стояла плохая, и лететь дальше нельзя было.

Познакомились с новым спутником. Это был небольшой смышленый пес — сибирская лайка, с острыми ушами, с закрученным в крендель хвостом. Она звонко залаяла на нас.

Кто-то сказал:

— Из этой собачки отличный полярник будет! Веселый пес!

Так и осталась кличка: «Веселый».

ТАК ВОТ ОН, ПОЛЮС!

Наконец небо стало чистое, солнышко…

Можно лететь. Теперь прямо на полюс!

Быстро приготовили одну машину. Она была сильно нагружена. Аэродром на Рудольфе круто обрывается над морем. Надо оторваться от земли во-время, не то — гибель.

Но недаром за рулем сидел замечательный летчик, Герой Советского Союза Михаил Водопьянов. Тяжелая машина легко взлетела. Мы в воздухе. Курс — на полюс.

Это было 21 мая 1937 года, в 4 часа 52 минуты.

Летим очень высоко. Ровно гудят моторы. Мы жадно смотрим вниз. Но там — облака. Иногда видны просветы, «окна». В «окнах» мелькают льды, льды, льды…

Так летим уже шесть часов.

Вдруг штурман Спирин и Женя Федоров в один голос закричали:

— Полюс! Мы над полюсом!

Водопьянов повел самолет на снижение. Всё ниже, ниже… Прошли облака. Под ними — туман. Наконец туман кончился. Водопьянов стал выбирать льдину для посадки.

Долго кружил он над белыми льдами, приглядывался. Наконец выбрал огромную льдину и стал летать над ней, прицеливаясь, как лучше сесть.

Вот лыжи коснулись льда, заскользили, и машина остановилась.

Мы все, тринадцать человек, выскочили на лед, стали друг другу жать руки, стали друг друга обнимать, целовать, поздравлять…

Мне кричат:

— Иван Дмитриевич, хозяин полюса, принимай свои владения!

Я оглядывался. Кругом ледяные поля. Так вот он, полюс, из-за которого погибло столько смелых путешественников, который считался недоступным! Теперь на полюс ступили мы, большевики.

Кренкель раскинул радиостанцию. Но что-то там застопорилось. Часы идут, а радио не работает. Все волновались: «Мы на полюсе, а никто про это не знает, и наверняка думают, что мы погибли!»

Кренкель успокаивал:

— Ничего, наладится.

Через одиннадцать часов радио заработало. Мы обрадовались

и сразу же передали товарищу Сталину первую радиограмму с полюса.

ЗИМОВКА НАЧАЛАСЬ

Закипела работа. Кто нарезáл из снега кирпичи, кто складывал из них стены для радиостанции, кто разгружал самолет, кто разбирал нарты…

Мы с Петром Петровичем поспорили: какой толщины лед? Долбили-долбили льдину, двадцать раз вспотели, наконец добрались до воды. Толщина льдины больше трех метров. Ничего, жить можно!

Скоро к нам прилетели остальные летчики: Молоков, Алексеев, Мазурук. Они привезли лебедку, палатку и Веселого.

Пес забегал по новому месту, стал шнырять носом, принюхиваться. Все смеялись:

— Веселый нюхает полюс.

Летчики разбили для себя легкие палатки. А мы поставили нашу большую, черную, ту самую, в которой жили под Москвой. Мы ее собрали, свинтили, обтянули парусиной, устлали шкурами, пристроили кухню, коридор, и получилось очень хорошо.

Кренкель пошутил:

— Симпатичная квартира, со всеми удобствами, в центре… Ледовитого океана.

Мы туда вселились и устроили новоселье. За палаткой шумела пурга, выл ветер, а нам было тепло и хорошо. Мы сидели у столика, ели вкусные вещи, вспоминали Москву, товарищей, родных…

— Не палатка, — хвалили наш дом летчики, — а настоящий «дворец советов»!

Около «дворца советов» стоял ледяной «дворец» радиостанции. Рядом замахал крыльями наш ветряк — «мельница». За ним стояли нарты с продуктами. Получилась целая улица. Рядом с палаткой развевалось красное знамя с портретом товарища Сталина.

Прошло шестнадцать дней. Все, кроме нашей четверки, стали собираться в обратный путь.

Я уговаривал:

— Не торопитесь, поживите еще. У нас хорошо.

— Нет, спасибо! Мы вас привезли, помогли устроиться; пора домой.

Они стали укладываться. Я ходил к летчикам и всё просил:

— Отдайте мне, что у вас лишнего. Вы скоро дома будете, а нам тут пригодится всё.

И они давали — кто сковородку, кто кастрюлю, кто ведро. А Мазурук подарил нам патефон и на красной крышке написал:

Кто с песней по жизни шагает,
Тот никогда и нигде не пропадет!

А если кто не хотел дарить, я грозился:

— Всё отберу, отпущу в одних трусах! Всё равно вам на юг ехать.

Ведь с полюса куда ни пойдешь, везде юг.

На прощальном обеде я говорил:

— Вы улетаете. Мы остаемся далеко от любимой родины. Но наши сердца всегда будут вместе с нашей страной, с

большевистской партией, с народом.

Последние поцелуи, последние объятия.

Машины прошумели над нашими головами. Мы машем шапками:

— До свиданья, до свиданья…

И вот самолеты скрылись. Мы одни.

— Ну, братки, — сказал я, — зимовка начинается.

Кренкель надел наушники, Федоров стал смотреть в астрономическую трубу, мы с Ширшовым отправились к лебедке.

КАНАЛ «МОСКВА — ПОЛЮС»

Работы было много.

Мы занялись «снежным» строительством. Из снега мы нарезали кирпичей и построили кухню. Из снега же сделали домик для научных занятий Ширшова.

Много возни было с продуктами. Мы разделили все наши запасы на три части и разложили в разных концах льдины. Если льдина расколется и один склад утонет или его раздавит, — не страшно! У нас останутся еще два. Продукты мы зарывали в снег, чтоб не портились. Но солнце разрушало наши «холодильники». Первое время оно не заходило совсем и сияло над нами без передышки. Ложимся спать — солнце, встаем — солнце. Всё время сплошной день. Мы только по часам узнавали: утро, вечер или ночь.

Солнце грело так сильно, что снег около бидонов с продуктами таял. А ведь там у нас была свежая рыба, свинина — того и гляди, протухнет! Давай перетаскивать наши запасы на новое место!

Мы впрягались в нарты и, как добрые кони, перевозили за один прием по двадцати пяти пудов груза. Скользко, мокро, то и дело спотыкаемся, падаем, но везем, подбадривая друг друга. Работа нелегкая, от такой работы глаза, как говорится, на лоб вылезали…

Вода донимала нас. На льдине стояли озера и моря. Мы плавали по ним в нашей надувной резиновой лодке.

В палатке было сыро. Одежда намокала. Просушить ее было негде. Сухого местечка не найти. Под ногами хлюпало. Но мы не падали духом, шутили, держались бодро. У нас был такой порядок: если у тебя на душе кисло, не подавай виду, крепись!

Около нашего «дворца» текла настоящая река. Я превратился в инженера и построил из досок мост.

Но «река» всё ширилась, подбиралась к палатке. Я решил соорудить канал. Взял пешню и продолбил во льду канаву — от палатки до трещины. Так я отвел воду от палатки.

Товарищи прозвали мою канаву очень важно: канал «Москва — Полюс».

«ОРЛЫ»

Не всегда в полярный день светило солнце. Нередко оно затягивалось облаками, валил мокрый снег. Часто поднималась пурга, нашу палатку заносило снегом. Но мы на погоду не смотрели. Работали по семнадцати-восемнадцати часов в сутки.

Нам надо было многое узнать. Какой глубины океан у полюса? Что делается на дне? Какая вода в океане и куда она течет? Водятся ли в ней животные? Куда везет нас льдина?

Вопросов было много. Ответить на них можно было только после большого труда. И мы трудились.

Мы работали у лебедки. К концу стальной проволоки Ширшов прикреплял сетку, термометр и разные приборы. Всё это он опускал в прорубь, чтобы достать с самого дна воду. Груз долго добирался до морского дна. Потом мы крутили ручку лебедки и поднимали его. Это была очень тяжелая работа. Шесть часов подряд мы, сменяясь, крутили лебедку: пятнадцать минут крутят Федоров и я, пятнадцать минут — Кренкель и Ширшов. В самый лютый мороз от такой работы нам становилось жарко, мы раздевались чуть ли не до трусиков.

Зато мы узнали: глубина океана на полюсе четыре километра с четвертью. Это было, наше открытие. Раньше никто не знал глубины моря у полюса.

Петя Ширшов нашел в морской воде рачка-бокоплава, медуз и много других маленьких животных. Это тоже было наше открытие. Ведь раньше думали, что на полюсе никакой жизни

нет. Ширшов разложил свои находки по банкам, склянкам и радовался.

Мы работали много. Зато спали потом, как убитые. Кренкель, который всегда дежурил по ночам, утром будил нас:

— Орлы, вставайте!

В ответ — могучий храп.

— Орлы, надо ж совесть иметь!

«Орлы» храпят как ни в чем не бывало.

Кренкель набрасывается на нас, как лютая тигра:

— Вставайте! Что я с вами церемониться буду!

Тогда мы вылезаем из спальных мешков. А Теодорыч ложится. Ведь он всю ночь не спал: сидел у радио и каждый час выходил смотреть, нет ли трещины, не надо ли переезжать на новую «квартиру».

Мы завтракаем и принимаемся за работу. Петя либо уходит к проруби на день, а то и на сутки, либо возится со своими скляночками. Без конца он что-то там разливает, переливает, взбалтывает, помешивает — точь-в-точь аптекарь!

А мы с Женей выходим на «улицу». Надо узнать, где мы находимся. Ведь мы не стоим на месте. Наша льдина потихоньку увозит нас от полюса, она дрейфует. Мы этого не замечаем, нам кажется, будто она стоит на месте. Женя Федоров наставляет свои приборы на солнце и объявляет «адрес»:

— Сегодня льдина прошла пять километров.

Или десять. Или двенадцать. Наша льдина шла то быстро, то тихо.

Я всегда помогал ему. Он научил и меня узнавать наш «адрес». Показал, как записывать погоду. Если Женя почему-либо не сможет выйти из палатки, я за него всё сделаю. Ведь надо каждый день, во что бы то ни стало, передавать по радио, какая погода у полюса.

Я радовался, что со мной послали Теодорыча, Петю и Женю. Они работают безустали. Часто по двое суток не спят, трудятся и в пургу, и в дождь, и в туман. Мы привезем много интересного для науки.

Петр Петрович — большой ученый. Женя — тоже настоящий ученый. Все самые важные, самые главные звезды он знает и по имени и где какая находится, точно он их сам разложил по огромному небу… Эрнст — замечательный радист.

С такими помощниками не пропадешь!

ГОВОРИТ ПОЛЮС!

По радио мы каждый день передавали в Москву сводку погоды. По радио мы передавали наши открытия. Это очень важно. Если с нами что-нибудь случится, наша работа не пропадет. О ней уже знают. По радио мы каждую ночь слушали «последние известия». Это нам было вместо газеты.

По радио Москва и Ленинград устраивали специально для нас хорошие концерты. Мы надевали наушники, слушали любимые песни, любимую музыку и сами тихонько подпевали.

По радио мы узнали, что нас выбрали депутатами в Верховный Совет. Как мы радовались, как гордились этой высокой честью!

По радио мы разговаривали с родными, с женами, с друзьями, и нам казалось, что вот они близко, рядом с нами.

Однажды Кренкель, после ночного дежурства, не стал ложиться. Мы удивились:

— Теодорыч, почему спать не идешь?

Он надел наушники, не слушает нас. Вдруг лицо его засияло, он улыбался, — только не нам, а кому-то еще. Мы тоже схватили наушники. Слышим — детский голосок.

— Кто это, Теодорыч?

Он шепчет:

— Тише, это моя дочка!

Всё понятно. Маленькая Люся говорит по радио со своим папой! Она говорила хорошо, гладко, ни разу не запнулась. Кренкель долго потом не мог заснуть.

Мы очень дорожили нашим радио. Без радио мы были бы оторваны от родины, от всего мира. Никто бы про нас ничего не

знал, и мы ничего бы не знали.

Поэтому мы берегли наше радио, как мать ребенка. То и дело чистили его, осматривали. Чуть что — сразу же исправляли. И радио работало хорошо.

Но иногда вдруг затихал ветер. Нет и нет ветра. Крылья ветряка замирают. Замирает и наша электростанция — не дает тока для радио. А тут надо передать статью для «Правды». Как быть?

Мы доставали ручной (вернее, ножной) мотор. Он был сделан в виде велосипеда. По очереди мы садились на седло и «катались» — крутили педали. Ток появлялся, радио начинало работать. Но для того, чтобы передать статью, мы два с половиной часа «катались» и страшно уставали. Зато наша статья во-время появлялась в газете.

Кренкелю приходилось много и тяжело работать. Когда замечательный летчик Чкалов летел через полюс в Америку, Теодорыч двое суток не снимал наушников. Мы сидели около него, волновались. Кренкель слушал:

— Чкалов летит на Рудольф.

— Чкалов над Рудольфом.

И наконец:

— Чкалов пролетел Рудольф.

Мы обрадовались. Скоро он будет над нами! Мы увидим самолет Чкалова. Валерий сбросит нам письма, газеты, журналы.

Мы, не отрываясь, смотрели на небо. Но оно, как нарочно, было сплошь закрыто облаками. Мы слышали гул чкаловского самолета, но видеть его не видели. И нас Чкалов не видел.

Я в шутку ругал Петю и Женю:

— Всё от вас зависело, браточки. Не могли приготовить чистое голубое небо! А еще мастера погоды!

Когда собирался лететь в Америку Громов, мы по радио передали родным:

— Пришлите нам через Громова посылки, письма, книги — что хотите!

Мы решили нарисовать на льду яркое пятно, чтобы Громов нас заметил. Проваливаясь в снежной каше, мы тащили нарты с краской и прилежно разбрызгивали ее вениками. Сделали громадный оранжевый круг. Ждем. Кренкель сидит у радио, а мы нетерпеливо смотрим на небо. Прошло несколько часов. Вот-вот Громов покажется.

Вдруг Кренкель заявляет:

— Слушайте, Громов передает радиограмму: «Завоевателям Арктики — привет!»

— За привет спасибо, — толковали мы, — а где же он сам?

Потом поняли. Ведь Громову надо лететь в Америку через полюс, а нас уже отнесло от полюса километров на двести.

Так и улетел Громов с нашими подарками в Америку.

«ДВОРЕЦ СОВЕТОВ»

Дни шли за днями. Шесть месяцев мы уже прожили на льдине. Осталось еще столько же. Но самое трудное впереди. Кончился полярный день. В октябре мы увидели солнце в последний раз. Началась долгая, холодная полярная ночь. Ведь на полюсе полгода — день, полгода — ночь.

Мы оделись по-зимнему. Во «дворце советов» стало тесно, потому что наши шубы, малицы, куртки, рукавицы, «тапочки» занимали много места. «Тапочками» мы называли громадные валенки с отрезанными голенищами. В такой «тапочке» можно свободно купать годовалого младенца. На тапочки напяливались еще галоши — «пароходы».

Одеваться при нашей тесноте надо было осторожно. Мы всегда помнили: садясь в мешок, не ударься головой об угол стола. Надевая фуфайку, не опрокинь пепельницу и пузырьки Ширшова. Вытягиваясь во весь рост, берегись гайки на потолке.

Входить во «дворец» тоже надо было осторожно. Направо — «кабинет» Кренкеля: радиоприемники, инструменты, — как бы там чего не смахнуть, не испортить. Налево — самодельный «буфет»; заденешь — всё полетит. На полу ящики Ширшова. Перешагивая через них, гляди в оба. В ящиках драгоценные пробы воды.

Вдоль стены — в два этажа койки. Между койками зыбкий стол. Над лампой — жестянка. Кренкель всегда заполнял эту жестянку звонкой, промерзшей колбасой. Колбаса там оттаивала, нагревалась. Мы перещеголяли лучшие магазины: у нас была горячая колбаса в любое время. Зато с водой стало плохо.

Летом мы страдали от того, что везде вода. А зимой страдали от того, что воды нигде не было. Кругом лед, снег, а воды — ни капельки!

Мы добывали воду из снега. Чтобы приготовить обед, надо было долго растапливать на примусе снег. Поэтому мы воду экономили, берегли, редко умывались и не всегда мыли посуду после обеда или ужина…

«ПРОФЕССОР ПО ВСЕМ БОЛЕЗНЯМ»

Среди нас был и доктор, он же заведующий аптекой, и медицинская сестра, и профессор по всем болезням. Это был Ширшов.

Петр Петрович учился «на доктора» всего лишь несколько недель. Перед полетом на полюс он ходил в больницу — смотрел, как делают операции.

Петр Петрович был сердитым «профессором». Поэтому болеть мы опасались и почти не болели. «Доктору» пришлось нас лечить всего два-три раза.

Однажды Женя Федоров плохо себя почувствовал. Ширшов стал его выслушивать, как настоящий профессор. Мне даже надоело смотреть.

— Дышите!

Женя усердно задышал.

— Не дышите!

Женя замер.

— Скажите «а-а».

— Покажите язык!

Женя показал.

— Ну-с, так, — сказал «профессор», — одевайтесь. Всё ясно. Надо банки. Немедленно.

А банки нам дали огромные, в стакан величиной.

«Профессор» развел страшный факел, чуть не спалил палатку. Сунул факел в банку и приложил ее к спине Жени. Кожа у бедного Федорова втянулась до самого дна банки. «Профессор» поставил вторую. А на третью у Жени кожи на спине нехватило: она вся втянулась в банки.

Как-то у меня заболела спина.

Я говорю:

— Профессор Ширшов, что-то мне трудно дышать.

Петр Петрович взял докторскую трубку, послушал с важным видом.

— Иван Дмитриевич, у тебя внутри что-то хрипит. Надо натереться скипидаром.

Раз доктор говорит, значит, — надо. Я разделся, лег на оленьи шкуры. Ширшов налил себе на руки скипидару. А руки у «профессора», признаться, были не первой чистоты — в копоти, в масле… Вот он стал растирать меня. Что такое? От скипидара руки у «профессора» стали чистые, зато у меня спина стала полосатая, как у зебры.

Все-таки он меня вылечил.

Когда нас выбирали в Верховный Совет СССР, ребята на родине Ширшова, в городе Днепропетровске, распевали:

Все большие, детвора,
Голосуйте за Петра,
За Петра Петровича,
За Ширша Ширшовича.

Нам рассказали об этом по радио, и мы стали величать Петю по-новому: «профессор Ширшович». «Профессор» и сам любил стихи.

Однажды я видел: около палатки стоит «Ширшович» Перед ним Веселый. Ширшов с жаром декламирует:

Что может сравниться
С твоими глазами,
    Мой пес!
Я вижу, я знаю,
Ты тронут
    До слез.

И после каждой строчки угощает Веселого колбасой. Веселый восторженно виляет хвостом, радуется, и сразу видно, что стихи Ширшова ему по вкусу…

МЕДВЕДИ

Веселый был настоящий полярник. Он устраивал свои «базы» — закапывал в снег остатки своей еды. Он был умный, толковый пес, только слегка вороватый: частенько забирался на наши склады. Я его один раз поймал: озираясь, он откапывал мясо. Я с ним, признаться, не стал церемониться и отлупил как следует.

— Не смей сюда ходить!

Что же он сделал? Пока били, он терпел. А потом обошел кругом километра на полтора, чтобы следов не заметили, и опять забрался в склад.

Пришлось его привязать к нартам. Но это было тоже плохо. Вот что однажды у нас случилось.

Как-то ночью Кренкель вышел из палатки и вдруг закричал нечеловеческим голосом:

— Медведи! Медведица и два медвежонка! Скорей вставайте!

Мы уже спали. Но тут мы оделись в три счета, выскочили. Видим: Эрнст стреляет в косолапых, а те удирают во всю прыть. Поди лови их за хвост!

Что тут было с Веселым! Он выл, рвался, метался, тянул за собой тяжелые нарты. Я быстро отвязал его. Он пулей понесся к медведям, но, пока мы подбежали, их уже и след простыл.

Мы вернулись в палатку. А Веселый долго еще носился по льдам. Прибежал только через три часа. И всё скулил, жаловался, терся у ног, точно он виноват, что упустили медведей.

— Разучились мы охотиться, братки! — сказал я.

— Да, — отозвался Петя, — сейчас неплохо бы поесть свежей медвежатины!

Теодорыч усмехнулся.

— Убили, не убили, это неважно. Важно, что мы видели медведицу, да еще с медвежатами!

Мы стали рассуждать. Если здесь водятся медведи, значит, и нерпы должны быть. Ведь медведи ими питаются.

И верно. Через несколько дней я увидел в трещине нерпу. «Ну, — думаю, — полакомимся нерпичьей печонкой». Выстрелил, попал. Но убитую нерпу унесло течением под лед. Экая досада!

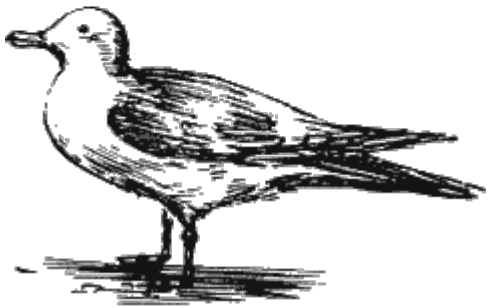
Попадался нам и морской заяц — лахтак. В этом «зайчике» добрых восемнадцать-двадцать пудов.

Однажды я много часов просидел с ружьем у трещины, терпеливо ждал зайца, мечтал: «Вот зайчик покажется, буду угощать товарищей свежей зайчатинкой!»

Долго ждал, весь продрог, но глупый заяц так и не показался!

ПУНОЧКА.

ЧИСТИК.



ЧАЙКА.

Я утешал себя: «Не беда! Зато мы сделали важное открытие: раньше думали, что на полюсе никакой жизни нет. Даже знаменитый Нансен так думал. Но он ошибался. Сколько всякой „живности“ мы уже здесь видели! Петя каждый день достает из морских глубин разных мелких животных. К нам прилетали птицы: чайки, пуночки, чистики… Мы видели лахтака, нерпу, медведей… Жизнь на полюсе есть!

Так и запишем!»

Я вернулся в палатку, сел писать дневник. Как начальник станции «Северный полюс» я каждый день записывал всё, что случалось. Иногда от усталости после работы перо вываливалось из рук, но всё равно я писал. Пока не запишу, спать не лягу.

ВЕЛИКИЙ ПРАЗДНИК

7 ноября мы вместе со всей страной праздновали двадцатилетие Великой Октябрьской социалистической революции.

Засверкали бритвы, мыльная пена покрыла лица, запахло одеколоном. Мы впервые помылись как следует.

Вечером мы, чистенькие, сидели за праздничным «столом». «Стол» ломился от яств. Чего там только не было! И два сорта конфет, и сгущенное молоко, и сыр, и лепешки, и даже кусочек торта, который мы берегли к празднику.

Пировали до пяти утра. Легли спать. Но в девять часов мы все снова были на ногах. Быстро напились чаю. Скорей — к радиоприемнику, скорей слушать родную Москву!

Десять часов.

И вот мы слышим бой часов на Спасской башне. Молча улыбаемся друг другу.

— Тише, тише! — шепчет Кренкель, — Ворошилов выезжает!

Нарком выезжает на площадь. Мы даже слышим цоканье копыт его коня. Вот Ворошилов объезжает войска. «Ура-а…» Играют оркестры, грохочут танки, шумят самолеты…

Тускло горит лампа, в палатке температура ниже нуля, а мы сидим закутанные, слушаем передачу из Москвы, и нам кажется, будто мы вместе со всеми на Красной площади.

Потом мы устроили свою демонстрацию. Впереди шел я, с флагом СССР. За мной, с винтовками, двигались Ширшов, Кренкель и Федоров.

Мы прошагали под знаменем с портретом товарища Сталина.

Я сказал короткую речь:

— Мы далеко. Но мы не оторваны от родины. Нас любят и нас помнят. Здесь, на дрейфующей льдине, вместе со всем нашим великим народом мы празднуем радостную годовщину.

Вспыхнула ракета, загрохотали выстрелы. Это был наш салют в честь праздника.

Неплохо отпраздновал и Веселый. Мы пригласили его в палатку, каждый дал ему по сосиске; он наелся, улегся на шкуры и заснул.

А мы долго сидели у радио, прислушиваясь к далекой и любимой Москве, где в это время была народная демонстрация.

«ТРОЛЛЕЙБУС»

Нас называли богатырями. В радиограммах мы читали:

«Наши богатыри на Северном полюсе…» «Наши полярные богатыри смело дрейфуют…»

Товарищи смеялись над моим небольшим ростом.

— Хорош богатырь! Сознайся, Митрич: когда выступаешь на трибуне, под ножки ящик подставляешь.

В конце концов мы решили на самом деле подобрать себе богатырские имена. Кренкеля — самого высокого — назвали: «Илья Муромец», Ширшова — «Алеша Попович», Федорова — «Соловей Разбойник» А меня назвали лучше всех: «Руслан и Людмила»

Однажды в метель два «богатыря» — «Руслан и Людмила» и «Илья Муромец» — отправились к трещине. Там за целый километр от палатки мы изучали воду, ловили сеткой морских животных… Был ветер. Глухая темень. Мы кое-как добрались до трещины, ощупью проверили приборы Ширшова и повернули обратно, против ветра. Пурга бушевала. Свет карманного фонарика не мог пробить стену снежинок.

Мы шли, шли, а палатки всё нет.

— Скучноватая картинка получается, Илья Муромец, — сказал я. — Мы ведь, похоже, заблудились!

Теодорыч, пряча голову от ветра, глухо отвечает:

— Будем «дрейфовать», пока не найдем!

Мы брели то по ветру, то против, ветра, натыкались на незнакомые льдины, спотыкались, падали, поднимались…

Прошло часа три. Мы выбились из сил. Все косточки ныли. Хотелось спать. Но мы знали: если ляжем, тогда конец — замерзнем. И мы всё шли, поддерживая друг друга.

Наконец я зацепился ногой за доску. Значит, палатка близко. Мы встрепенулись, побрели веселей. И верно, скоро мы наткнулись на палатку. Ох, и хорошо было отогреваться в ней после мучительной ночи!

Утром я понаставил столбиков и протянул на них длинную веревку от трещины до палатки. Теперь заблудиться нельзя.

— Вот это хорошо, — сказал Ширшов: — теперь у нас, как в порядочном городе, есть своя троллейбусная линия.

И четыре «троллейбуса» — я, Кренкель, Ширшов, Федоров — отправились вдоль новой линии к трещине — крутить лебедку, изучать глубины Северного океана…

БУРЯ

В работе незаметно бежало время. Наступил новый, 1938 год.

Мы устроили генеральную уборку. Теодорыч приготовил из снега две кастрюли воды. Мы вымыли головы, побрились. Я подстриг «косы», выросшие у Кренкеля.

Москва по радио поздравила нас с Новым годом. Я достал орехи, шоколад, сыр… Каждому выдал по тридцать пять конфет «Мишка на севере». Новогодний «бал» прошел очень хорошо. Только, конечно, елки не было…

В середине января мы увидели красивую зарю. Значит, полярная ночь кончается. Мы обрадовались. Все-таки полярная ночь плохо на нас действует. Мы мало едим, плохо спим. Скорей бы солнце! А пока стоят злющие морозы. Пурга всё свирепствует.

Наш «дворец советов» засыпает снегом доверху. Веселый свободно разгуливает по его крыше. Он очень не любит пурги. Как только пурга завоет, наш Веселый начинает визжать; пурга утихнет — умолкает и Веселый.

Но утихала она редко. Часто бывала такая буря, что за два шага не видать друг друга. В такую метель не выйти из палатки. Но ведь Жене Федорову надо работать в ледяном домике. Там у него все приборы.

Тогда мы придумали. Взяли заступы, лопаты и вырыли в снегу длинный ход. Получился тоннель. Очень похоже на метро, только не подземное, а подснежное. Теперь в самую злую бурю Женя уходит к себе заниматься. Но не всегда он мог работать. Нашу льдину толкало так, что все его приборы вздрагивали.

Буря гнала льдину всё быстрей. Нас несло на юг, к берегам. Даже неудобно стало говорить, что мы на Северном полюсе. Льдину отнесло далеко от полюса.

Мы начеку, настороженны, как зайцы. А вдруг льдина ударится и расколется? Вдруг оторвется продовольственная база? Мы не трусим: просто не хотим, чтобы опасность застигла нас врасплох.

Я приготовил нарты, собрал всё необходимое. Спать стали по очереди.

Снег с шумом падал на крышу палатки. Порой мне казалось, будто мы лежим в барабане. На улице вой, стон, треск, точно стреляют из пушек или трещат моторы больших самолетов. В любой момент льдина может разбиться или перевернуться и потянуть нас за собой. Но братки не унывали.

Настроение у всех было бодрое.

Нередко Петя Ширшов декламировал нам из Маяковского:

Сдавайся, ветер вьюжный,
сдавайся, буря скверная, —
открою
    полюс
        Южный,
а Северный —
        наверное.

ПОЛОСОЧКИ

Наступила памятная ночь — ночь на 1 февраля. Мне не спалось. В бурю я всегда плохо спал: всё прислушивался, не ломается ли льдина. А буря бушевала уже шестые сутки.

Кренкель дежурил и тоже не спал. Вот он говорит:

— Что, Дмитрич, не спится? Давай сыграем.

— Давай!

Расставили шахматы, засели.

За палаткой воет ураганный ветер. Снег барабанит по стенкам. Петя и Женя спят. Кренкель наступает, я обороняюсь изо всех сил. Мы засиделись. Часов в пять вдруг слышим: трещит палатка!

— Слышишь, Теодорыч?!

— Слышу, Дмитрич! Иди, твой ход!

— Постой, тут не до хода. Пойду посмотрю, в чем дело.

— Сиди, Дмитрич, я выйду.

Он вышел, а я не знаю, что делать: то ли ход обдумывать, то ли товарищей будить? Кренкель вернулся, стал стряхивать с себя снег.

— Ничего не видать, тьма… — Он подсел к доске. — Всё в порядке, играем дальше.

Я сделал ход. Тут палатка опять затрещала. Значит, не всё в порядке. Я стал будить Петю и Женю:

— Вставайте, ребятки, что-то наша палатка нехорошо трещит.

Женя высунул голову из мешка, прислушался.

— По-моему, Дмитрич, это просто снег оседает.

А Ширшов говорит:

— Пойду посмотрю. У меня глаза лучше, чем у вас.

Он живо оделся и вышел. Ходил, ходил, потом вернулся и сказал:

— Это не снег, это наша льдинка отказалась нас дальше везти. Везде тонкие трещины, как черные змейки.

Тут мы все вчетвером вышли с фонарями наружу. Ветер ударил в лицо, валит с ног, сыплет снегом в глаза.

Кружки света упали к ногам, и мы увидели: наша льдина покрылась полосочками, точно ножом ее изрезали.

— Да, дела неважные, — сказал Теодорыч, — Пойдемте выпьем по стаканчику горяченького чайку, обсудим, как быть.

Мы вернулись в палатку, развели примус. Пока грелся чайник, Петя вышел еще раз посмотреть на полосочки. Скоро он прибежал:

— Товарищи, наши полосочки разошлись, стали громадными

— в пять метров шириной.

Мы потушили примус и все вышли на лед. Трещина была не одна. Там, под антенной, мы увидели вторую, потом третью. Одна из них подползла под нашу палатку. Наше ледяное поле раскололось на куски…

— Браточки, когда обходите лагерь, — сказал я, — глядите в оба, не провалитесь в трещину. Если с кем из вас что случится, считайте, что двое пропали — мне тогда тоже не возвращаться. Ведь я отвечаю за вас всех.

В Москву мы послали радиограмму:

«Наметилась трещина под жилой палаткой. Будем переселяться в снежный дом. В случае обрыва связи просим не беспокоиться. У нас будет всё в порядке»

НА ОБЛОМКЕ

«Льдинка» всё крошилась. Трещина под нами расширялась. Палатку стало заливать.

— Братки, пора переселяться, — сказал я: — в этой квартире оставаться опасно.

Мы покинули наш «дворец советов», в котором дружно прожили восемь месяцев, и устроились в шелковой палатке.

Теперь мы жили на обломке величиной с футбольную площадку.

Вместе с льдинами оторвались и наши продовольственные базы. Однажды Женя и Петя увидели, что некоторые из них дрейфуют среди обломков льда. Мы взяли нарты. Как акробаты, мы прыгали по льдинам, спасали наше имущество и продовольствие. Теперь нам хватит питания на три месяца.

Мы видели, как плавали наши бидоны с керосином, но спасти их не могли. Мы видели, как среди обломков плавает наша лебедка. Ее тоже нельзя было достать.

Пурга всё продолжалась. Ураганный ветер сорвал шелковую палатку. Мы выстроили домик из снега. Всё наше продовольствие и имущество сложили на нарты. В минуту опасности их легко перебросить с места на место.

Тяжелое было время! Мы на обломке, а кругом вода, покрытая снегом. Провалишься — товарищи не услышат из-за ветра и не найдут в темноте. Тогда по краям нашего обломка мы

поставили черные флажки. Это для дежурных, чтоб они не провалились, когда обходят лагерь.

Волновались ли мы? Конечно, немножко волновались. Но мы знали: что бы ни случилось, наша родина не оставит нас в беде.

Мы слушали радио. Вот сквозь льды и штормы к нам спешит маленький «Мурманец». Вот вышли ледокольные пароходы «Таймыр» и «Мурман». Вот вышел в открытое море большой ледокол «Ермак». Все они спешат к нам на выручку. Так не будем же унывать! Всё в порядке! Работа станции «Северный полюс» продолжается!

В назначенное время Эрнст передавал сводку погоды. Женя следил за тем, куда несет нас обломок. Петя, как всегда, изучал океан.

Однажды Женя вбежал в палатку, закричал:

— Вылезайте! Медведи пришли!

Эрнст не поверил:

— Ладно, ладно!

— Скорей! Честное слово!

Я схватил ружье, выскочил из домика. Верно: медведи! Целая тройка!

Веселый заливался, лаял, путался среди косолапых. Я боялся, что пули попадут в него.

Прицелился, давай стрелять. Всех трех уложил. И Веселого не задел.

Я наварил огромную кастрюлю медвежатины. Сели обедать. Ребята всё подставляют тарелки:

— Мне, Дмитрич, побольше!

— Мне полней!

— Мне еще порцию!

Я думал, что хватит медвежатины дня на четыре, а братки всю кастрюлю в один день очистили.

ВСЕМ, ВСЕМ, ВСЕМ…

3 февраля мы впервые после многих месяцев увидели солнце. Красное, большое, оно выглянуло из-за горизонта. Мы обрадовались.

Но еще больше мы обрадовались, когда однажды ночью увидели вдали луч прожектора. Первым его заметил Кренкель. Мы уже спали. Эрнст хотел было нас разбудить, но подумал: «А вдруг это просто звезда, — ребята меня тогда засмеют». Но звезда становилась всё светлей, всё ярче. Теодорыч решил: нет, это не звезда, это прожектор советского корабля. И давай нас будить.

— Товарищи, товарищи, смотрите, что там светится!

Мы вышли, посмотрели. Ура! Помощь совсем близко, там, за льдами. Я завел патефон. Мы слушали любимую песню:

Широка страна моя родная…

А потом к нам прилетел самолет. Первый самолет за девять месяцев! Летчик ловко посадил машину на лед. Я побежал к нему. Это был Власов. Мы обнялись, расцеловались. От волнения оба не могли говорить. Только жали друг другу руки и всё обнимались.

Власов привез нам письма, мандарины, пиво и улетел показывать кораблям дорогу к нашей льдине.

Утром мы в бинокль увидели: далеко за льдами темнеет дымок. Это пароходы. Они разводьями идут к нам. Женя и Петр Петрович побрились, потом стали пересматривать нарту с тетрадями. Эта нарта нам дороже жизни. На ней пятьдесят два килограмма исписанной бумаги. В этих тетрадках раскрыты тайны Северного океана и Северного полюса. Это наш подарок науке, нашей родине.

«Таймыр» и «Мурман» подошли к нашему обломку. Восемьдесят человек с пароходов бежали к нам с красным знаменем. Мы вчетвером пошли к ним навстречу.

В море, у берегов безлюдной Гренландии, встретились советские люди. Моряки хотели было броситься к нам, обнять нас… Но начальник экспедиции Остальцев скомандовал:

— Смирно!

Он подошел ко мне, вытянулся.

— По заданию правительства, корабли «Таймыр» и «Мурман» прибыли в ваше распоряжение! Жду приказаний!

После этого нас стали обнимать, целовать и качать. Каждый старался взять что-нибудь на память. У меня оторвали кусок

куртки. У Кренкеля — кусок штанов. Брали на память консервы, шоколад, промерзшие, твердые, как кирпич, книги.

Сами берут и просят:

— Подари чашку!

— Сделай надпись на книжке!

— Подари бульонный кубик!

Я им сказал:

— Берите всё, только научные записи не трогайте.

Тут начались споры: на какой пароход нам пойти. Таймырцы говорят:

— Идите к нам, у нас для вас каюты шелком обиты, чистая

ванна приготовлена.

А мурманцы нарочно придумывают всякие страшные вещи и пугают нас:

— Не ходите на «Таймыр»: там у них клопы.

Куда же пойти? Решили бросить жребий. Написали записочки, положили в шапку, внимательно следили, чтобы жульничества не было.

Мы с Кренкелем вытянули записки с надписью «Мурман», Ширшов и Женя — «Таймыр».

Веселый, конечно, пошел на «Мурман» вместе со мной.

Моряки спрашивали:

— Иван Дмитриевич, с кем же Веселый в Москве жить будет?

Я ответил:

— Мы решили подарить его дочке товарища Сталина — Светлане.

Всё наше имущество перенесли на корабли.

Я подошел к Кренкелю:

— Теодорыч, передай последнюю радиограмму!

Кренкель передал рапорт товарищу Сталину о том, что работа станции «Северный полюс» кончается. Вот последние слова рапорта:

> «КРАСНЫЙ ФЛАГ НАШЕЙ СТРАНЫ ПРОДОЛЖАЕТ РАЗВЕВАТЬСЯ НАД ЛЕДЯНЫМИ ПРОСТОРАМИ».

— Всё. Можно сниматься.

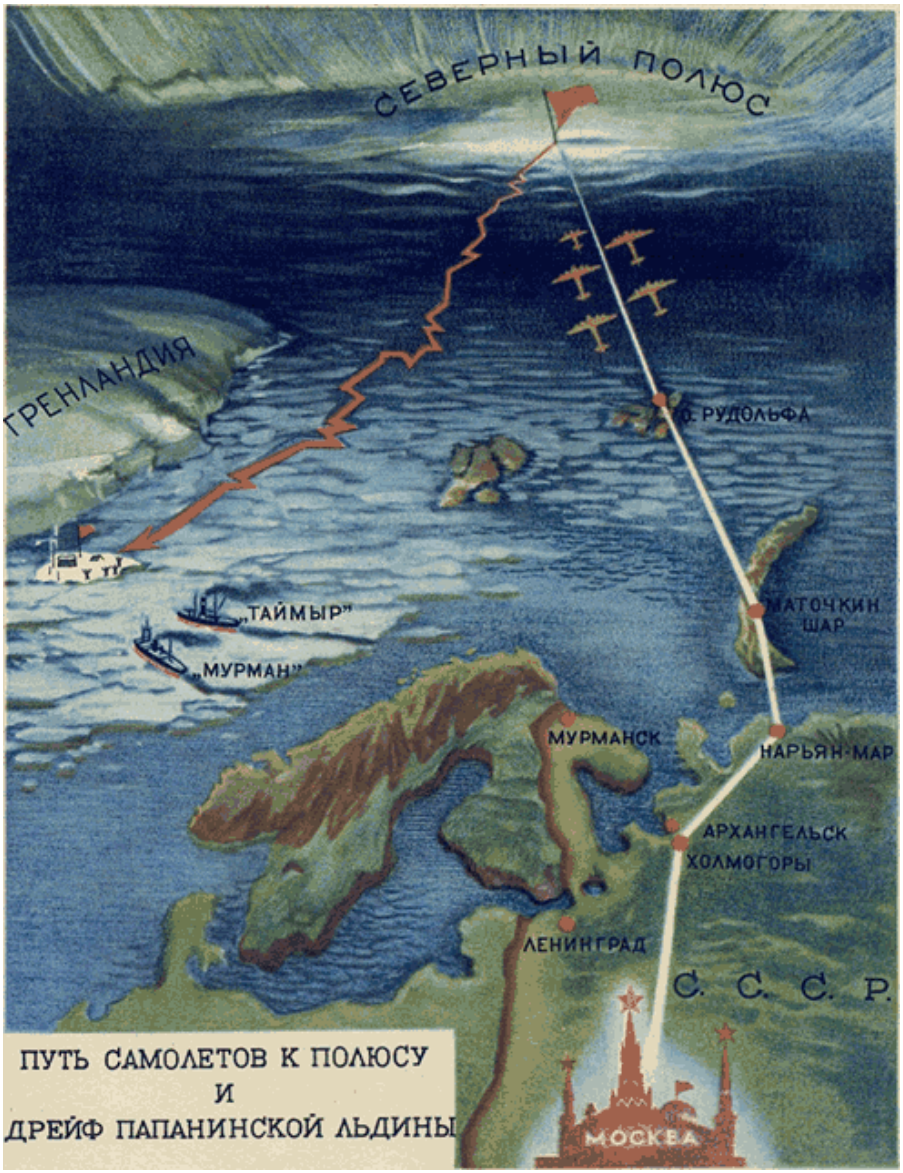
Кренкель выстукивал:

> «ВСЕМ, ВСЕМ, ВСЕМ. 19 ФЕВРАЛЯ 1938 ГОДА, 16 ЧАСОВ. РАБОТУ СТАНЦИИ „СЕВЕРНЫЙ ПОЛЮС“ КОНЧАЮ».

Он оборвал провода. Мы пошли к пароходам.

Я вернулся, еще лучше укрепил флаг, чтоб его не сорвало ветром, и догнал остальных.

Прощай, льдина!


СЕВЕРНЫЙ ПОЛЮС
ГРЕНЛАНДИЯ
о. РУДОЛЬФА
„ТАЙМЫР"
„МУРМАН"
МАТОЧКИН ШАР
МУРМАНСК
НАРЬЯН-МАР
АРХАНГЕЛЬСК
ХОЛМОГОРЫ
ЛЕНИНГРАД
С. С. С. Р.
МОСКВА
ПУТЬ САМОЛЕТОВ К ПОЛЮСУ
И
ДРЕЙФ ПАПАНИНСКОЙ ЛЬДИНЫ

МОСКВА

За девять месяцев мы впервые помылись как следует. За девять месяцев мы впервые сбросили с себя шкуры, меха и переоделись в хорошие костюмы. За девять месяцев мы впервые лежали не в меховых мешках, а на прекрасных кроватях, в теплых каютах.

Матросы заботились о нас, точно о маленьких:

— Товарищ Папанин, не хотите ли покушать?

— Товарищ Кренкель, не хотите ли попить?

— Не мешает ли вам музыка?

— Удобно ли вам в каюте?

Когда мы спали, мимо наших кают ходили на цыпочках.

Потом мы пересели на ледокол «Ермак». Там о нас заботились не меньше.

Наконец после многих дней плавания мы увидели советские берега. Мы ступили на родную землю.

Всюду нас встречали сотни тысяч людей.

Так встречать своих братьев может только могучий, свободный народ.

Словами об этом не расскажешь.

Но вот Москва.

Москвичи заполнили улицы.

— Папанинцы! Привет папанинцам! Ура папанинцам!

Цветы, музыка, цветы…

Мы едем в Кремль…

Я никогда раньше не видел близко Сталина, а только издали.

Я волнуюсь, даже мурашки пробегают по телу. Иду впереди со знаменем, а родные браточки за мной. Мы вошли в большой зал. И вот я вижу Сталина, Молотова, Ворошилова…

Я подошел к товарищу Сталину.

— Дорогой, горячо любимый, родной наш Иосиф Виссарионович! Разрешите вам доложить, что задание нашей родины по изучению полюса выполнено с честью!

И тут наступила минута, которую я никогда не забуду: Иосиф Виссарионович обнял меня и крепко поцеловал.

Волнуясь, я вручил ему красное знамя. Это знамя было с нами там, на Северном полюсе…

Информация об издании

ДЛЯ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Ответ. редактор М. БЕЛАХОВА.

Худож. редактор А. ЧЕГОДАЕВ.

Техн. редактор З. ТЫШКЕВИЧ.

Корректоры Р. ГРАНОВА и Е. ТРУШКОВСКАЯ.

Сдано в производство 15/I 1939 г.

Подписано к печати 14/IV 1939 г.

Индекс Д-5. Детиздат № 2196.

Тираж 100 000 экз. (1-15 тыс.).

Заказ № 110. Уполном. Главлита

А-9730. Формат 62×93⅛, 6 печ. л.

+ 1 вкл. (6 уч-авт. л.). В 10 красок.

_____

Фабрика детской книги Изд-ва

детской литературы ЦК ВЛКСМ.

Москва, Сущевский вал, 49.